
СНЫ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Неизвестно почему подпоручик Ахиллес Сабуров вдруг вспомнил классические строки:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн...

Решительно не сходилось с окружающей действительностью, что ни возьми. Стоял он не на берегу, а у высоких деревянных перил, ограждавших широкую, добротнo вымощенную досками галерею — одно из любимых мест прогулок горожан. Галерея проходила по краю высокого откоса, откуда матушка-Волга и другой берег просматривались на несколько верст в обе стороны. И волны — точнее, безмятежную гладь великой русской реки — никак нельзя было назвать пустынными. Налево глянь или направо — везде увидишь немалое число речных судов и суденышек. Невеликие буксиры деловито тащили вереницы барж, главным образом, тут и гадать нечего, с зерном — Самбарск славился зерноторговлей с давних времен. Солидные грузовые суда, либо причаливавшие к пристани, либо проходившие мимо, непонятные суденышки, куда-то плывшие очень целеустремленно, рыбацкие баркасы, лодки с отправившимися на водную прогулку праздными горожанами из «чистой публики»...

Слева долетала развеселая мелодия из какой-то оперетки — это от пассажирской пристани, шлепая плечами по спокойной воде, отчаливала «Русалка» — большой и красивый пароход, напоминавший Сабурову иллюстрации к одному из романов Майн Рида — разве что не было таких высоких дымовых труб, как на тех американских кораблях, что устраивали лихие гонки по широкой Миссисипи, как пишут в иных журналах, ничуть не уступавшей Волге по шири. Вот только никакого многолюдства на сей раз на палубах не наблюдалось, они были пусты — но граммофон на корме наярывал всю ивановскую.

Сабуров усмехнулся без всякой зависти. Самбарск, пусть и губернский город одноименной губернии, насчитывал всего-то сорок пять тысяч жителей, и в некоторых отношениях был маленькой деревней, где любая мелкая новость, ввиду отсутствия больших и интересных, очень быстро облетала город из конца в конец. Так и с «Русалкой». Господа купцы, надо полагать, уже уселись за стол и разлили по первой. Один из самых крупных здешних промышленников и зерноторговцев, Борис Викентьевич Зеленов, заключил весьма крупную и крайне выгодную сделку. Не достигший и сорока лет рослый красавец цыганистого облика (сам он любил прихвастнуть, что у него в роду была турецкая княжна — то вроде было чистейшей воды выдумкой) умел и зарабатывать немалые деньги, и отдыхать и телом и душой. Вот и сейчас, откупив «Русалку» на пару деньков для своей компании, он отправился к Жегулевским горам¹ — с дюжиной приятелей, немалым запасом коньяков и вин — а кроме того, некоторым числом молодых красоток не особенно строгих моральных правил. Об этих красотках, всегда сопровождавших Зеленова

¹ До революции Жигулевские горы звались и писались именно через «е».

с компанией, знал весь город, но пересуды касательно «зеленовских наяд» уже давно приелись и прекратились. Общественное мнение в общем ухаря-купца не осуждало — как-никак он давно вдовствовал, так что никакого нарушения супружеской верности не имелось. Ну и кое-кто, как водится, откровенно завидовал, в том числе и некоторые из сослуживцев Ахиллеса. Но не сам Ахиллес — его как-то все это совершенно не трогало: ни нанятая в полную собственность на несколько дней красавица «Русалка», ни зеленовские няды, ни все прочие атрибуты купеческого роскошества...

Ну и наконец... Никак он не был полон никаких таких великих дум — они были даже смешны у подпоручика захолустного гарнизона, в конце-то концов. Правда, был некогда один подпоручик захолустного гарнизона, как раз одержимый великими думами, впоследствии оказавшимися отнюдь не пустыми мечтаниями: подпоручик стал императором Франции, на что вряд ли в юности рассчитывал в самых дерзких мечтаниях. То, что кончил он печально, — уже другая тема.

Увы, господа мои... Это было очень уж давно. Безвозвратно минули те шальные времена, когда провинциальные поручики становились императорами, а сыновья конюхов и бакалейщиков — маршалами, а то и королями. Времена нынче скучные, благонамеренные, без стародавних феерических карьер...

А впрочем, и мыслей, если можно так выразиться, званием пониже великих дум, у подпоручика Сабурова тоже не имелось. Побуждение у него было одно: вернуться к себе на квартиру, послать Артамошку в портерную за полудюжиной пива, сорвать с пакета (находившегося у него сейчас под мышкой) тугую коричневую ленточку бандероли и, налив предварительно полную кружку (вот пиво здесь, пусть и в захолустье, было отменное), развернуть оберточную бумагу и извлечь книгу, немало его интриговавшую, настолько, что он не

стал дожидаться, когда она появится у здешних книго-торговцев, а выписал из Петербурга.

Вне всякого сомнения, это была не лубочная подделка наподобие тех, что обожает Артамошка, а настоящий, неподдельный Артур Конан Дойль. Вот только название в газетной рекламе... «Возвращение Шерлока Холмса». Сборник рассказов, как уверяла реклама, переведенный целиком. Но ведь всякому любителю книг о Шерлоке Холмсе прекрасно известно, что прошло уже несколько лет с тех пор, как автор (на что его вольная воля, хозяин — барин) безжалостно убил знаменитого сыщика, погибшего в швейцарских горах, в Рейхенбахском водопаде вместе с заклятым врагом, зловещим профессором Мориарти. И вот — извольте видеть. Тринадцать рассказов, как утверждает реклама, Шерлок Холмс вернулся. Вот только как ему удалось вернуться оттуда, откуда никто еще не возвращался? Такое даже Холмсу было бы не под силу. Но ведь вернулся? Ничего, очень быстро тайна получит объяснение...

— Добрый день, господин подпоручик, — раздался за спиной мелодичный и весьма даже знакомый девичий голос.

Ахиллес обернулся. Ну, разумеется, неразлучная парочка, Ванда Лесневская и Катенька Макеева, пусть и гимназистки последнего класса, но сейчас в модных летних платьях выглядевшие взрослыми барышнями.

Зная язычок Ванды, он ожидал сюрпризов. И не ошибся: Ванда, улыбочиво щурясь, сказала нараспев:

— Любопытно бы узнать, что за философские мысли вас обуревают, Одиссей Петрович... У вас сейчас столь байроновский вид...

Ванда прекрасно знала, как его зовут: они были знакомы и даже танцевали на двух балах в Дворянском собрании. Так что запомнить или напутать никак не могла, юная чертовка... Развлекалась по своему обык-

новению. Не перечить пострадавшим от ее острого язычка. Особенно это касалось тех, кто пытался за ней ухаживать с соблюдением всех приличий — Ахиллес, правда, к таковым не относился, но все равно давненько числился среди жертв.

— Правда-правда. Совершенно байроновский вид, Одиссей Петрович. — Она картинно изобразила смущение, коего не имелось ни капли. — Ой, простите, Ахиллес Петрович! Вечно я путаю имена, географические названия и тому подобное, беспамятная...

Ей было весело. Катеньке тоже. Ахиллесу — ничуть, но он не сердился — не мог он на нее сердиться. Глупо и смешно, в конце-то концов, офицеру российской императорской армии всерьез сердиться на гимназистку, известную на весь город язычком без костей. К тому же... Катенька была хороша, но Ванда — вовсе уж очаровательна, златовласая и сероглазая внучка ссыльного поляка. Временами Ахиллесу думалось, что именно так выглядели красавицы-шляхтенки старинных времен, когда в чистом поле сшибалась бешеная конница, и герои Генрика Сенкевича рубились то с татарами, то со шведами, то с казаками.

Невозможно сердиться на таких красивых — в особенности когда шутики, в общем, безобидны. Хорошо еще, что Ахиллес не был в нее влюблен, а вот поручик Басаргин вздыхал по ней всерьез и однажды даже попытался объяснить, но вернулся мрачнее тучи. Подробности свидания он ни с кем не делился, даже будучи изрядно пьян — но и так ясно: кончилось все тем, что острый язычок Ванды вновь себя проявил во всей красе, и Басаргин оказался в роли Наполеона. С одним немаловажным уточнением: Наполеона под Ватерлоо...

Ну разумеется, обе проказницы с любопытством наблюдали за его реакцией. Однако Ахиллес не собирался доставлять им такого удовольствия, показывать, что задет. Благо он и в самом деле был нисколечко не задет.

Ага, легонькое разочарование в красивых серых глазах — жертва не признала себя жертвой.

— Да, разумеется, — сказал Ахиллес. — Беспамятство ваше хорошо известно... но вам оно идет.

— Вы рассердились? — с самым невинным видом спросила Ванда.

— Ну что вы, нисколючко, — ответил Ахиллес. — Сожалею лишь о том, что я не Байрон...

— Испытываете тягу к стихосложению?

— Нет, никогда за собой такого не замечал, — сказал Ахиллес. — Я о другом. Вспомнилось другое... Я где-то читал, что однажды лорд Байрон самым натуральным образом выпорол розгами некую близкую ему особу. За злой язычок.

Ванда прищурилась:

— Я беспамятная, но не глупенькая, Одиссей Петрович. Намек достаточно прозрачен... Но я-то не близкая вам особа...

Из-под опущенных ресниц она послала Ахиллесу совершенно женский взгляд — томный, обольстительный, многое обещавший. Он даже смутился чуточку: никогда не робел перед прекрасным полом, но такой взгляд у гимназистки, пусть даже последнего, восьмого класса... Времена и нравы нынче наступили свободные, о нынешних гимназистках в газетах можно прочесть немало интересного. И где успела научиться таким вот взглядам? Правда, говорят, женщины этим искусством владеют чуть ли не с колыбели. И если вспомнить не столь уж давнюю историю с настоящей бурей в семье Шагариных... Нет, ему хотелось верить, что Ванда не такая. Никаких особенных чувств Ахиллес к ней не испытывал, но ему отчего-то хотелось, чтобы красивые девушки оставались чистыми...

И снова две проказницы с любопытством следили за его реакцией. Но не показывать же перед ними смущение? Самому, что ли, попробовать ее смутить?

— Да, действительно, мадемуазель Ванда... — сказал он с самым беззаботным видом. — Однако, ежели поразмыслить, отыщутся другие способы мести за острый язычок, гораздо более безобидные, чем грубые розги, но действенные...

— Интересно, какие же? — вновь по-кошачьи прищурилась Ванда.

— Все очень просто, — сказал Ахиллес с обаятельной улыбкой. — Когда вы закончите гимназический курс, я по всем правилам попрошу у ваших родителей вашей руки¹. Меня, конечно, никак нельзя назвать «хорошей партией», состояния у меня нет, но я как-никак дворянин и офицер с перспективой военной карьеры. Ваш батюшка, простите за откровенность, тоже не из богачей, по чину не более чем штатский капитан, имения у вас крохотное. К тому же мы с вами живем, посмотрим правде в глаза, в глухой провинции. Здесь и требования к женихам не столь высоки, как в столицах или городах покрупнее... Словом, ваши родители могут усмотреть во мне подходящую кандидатуру...

— Ах, вот оно что... — протянула Ванда, нисколько не выглядевшая возмущенной. — А потом, на правах законного супруга, вы получите полную возможность пороть меня розгами? Да? Одиссей Петрович, мы как-никак живем в двадцатом столетии от Рождества Христова, и не где-нибудь в Турции — или где там девушек выдают замуж без их согласия. Я просто откажусь, и все.

— Ну, в этом случае родители все равно будут долго вас уговаривать, а мне почему-то кажется...

— И в этом заключается вся месть? — прямо-таки фыркнула Ванда. — Боже, как мелко... Вам не кажется? — И она послала еще один женский взгляд. — Сда-

¹ В гимназии, как мужские, так и женские, принимали с девяти лет, а часто — и с десяти-одиннадцати. Так что собеседницам Ахиллеса не менее семнадцати.

ется мне, вы проглядели нечто для вас опасное. А если я возьму и соглашусь? Вы же дворянин и офицер, вам никак нельзя будет отступать, придется венчаться... И кто сказал, что я позволю себя пороть? Может оказаться наоборот — вам придется терпеть мой ужасный характер, я вам буду запрещать не только выпивать, но и курить, требовать каждую неделю новых нарядов, а то и изменять, не особенно и скрываясь, ваша жизнь превратится в ад... — Она звонко рассмеялась. — Ну что, Ахиллес Петрович? Как сказал бы мой дядя, заядлый любитель шахмат, партия сведена вничью?

— Пожалуй, — честно признался он. — Вас не обыграть, мадемуазель Ванда...

— Ну, разумеется, — сказала она вкрадчиво. — Обыграть красивую и неглупую барышню? Беспочвенные мечтания... — и продолжала уже гораздо более естественным тоном: — Ну, не сердитесь, Ахиллес Петрович. Нам с Катей, как иные выражаются, вступать во взрослую жизнь уже через какой-то год. Будем настоящими барышнями. А лучшее оружие барышни — острый язычок. Вот и практикуемся на ком удастся...

— Мне казалось, что лучшее оружие барышни — совсем другое...

— Интересно, какое же?

— Ну, скажем, постоянство, верность...

Ванда звонко рассмеялась:

— Да вы романтик, Ахиллес Петрович! Право слово, романтик! Интересно, что это за почтовый пакет у вас под мышкой? По размерам, похоже, там книга... Уж не поэзия ли? Надсон?¹ Такой романтик, как вы, просто обязан любить девушку Надсона...

¹ Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — русский поэт. В начале XX в. его стихи пользовались прямо-таки невероятной популярностью, особенно у молодежи. Позднее был совершенно забыт.

— Не угадали, мадемуазель Ванда, — сказал он. — Как-то не увлекаюсь я поэзией.

— Ах да, я забыла... Городок наш небольшой, все всё обо всех знают... У вас там, конечно же, очередной роман о пронизательных сыщиках и злых разбойниках? На сей раз угадала?

— Угадали.

— Сверкают злодейские кинжалы, палят револьверы... Та же самая романтика, только сугубо мужская...

— Возможно, — сказал Ахиллес. — Вот еще что, мадемуазель Ванда... Я хотел бы спросить из чистого любопытства. Действительно, в нашем городке все всё обо всех знают... С вами вот уже добрых два месяца нет Варри Истоминой. А ведь вы, мне говорили, с первого класса не разлучались, разве что на ночь. Такими закадычными подругами были... Как три мушкетера, только без шпаг и усов. Может быть, вы читали Дюма? «Надобно вам знать, что мы, Атос, Портос и Арамис — Трое Незлучных, как все нас зовут». Но ее уже два месяца с вами нет...

Ему никак не могло показаться — на оба красивых личика определенно набежала тень.

— Всего хорошего, Ахиллес Петрович, — сказала Ванда сухо. — Простите, но нам пора...

И обе барышни направились прочь. Ахиллес озадаченно смотрел им вслед. Крайне походило на то, что он, сам того не ведая и не желая, ухитрился задеть Ванду, и всерьез. Что у них могло произойти в троице неразлучных? Шерлок Холмс пустил бы в дело свой дедуктивный метод... Поссорились, конечно. Женщины, неважно, в каком они возрасте, если уж ссорятся, то бывают гораздо более непримиримы, чем мужчины. Но из-за чего могли смертельно рассориться девицы, неразлучные с первого класса? Вот вопрос...

Объяснение вроде бы подворачивается. Они уже в том возрасте, когда могут поссориться из-за кавале-

ра, не поделивши такового. Варя — тоже расцветающая красоточка, и за всеми тремя давно уже пробуют ухаживать, в том числе отнюдь не только ровесники...

Нет, это отпадает. Будь здесь одна Ванда или одна Катенька, такое предположение годилось бы. Но он видел совершенно одинаковое выражение на личиках обеих. Значит, здесь что-то другое. Хотя... Кто их поймет, современных девиц. Кто вообще умеет понимать женщин? Быть может, существует некий роковой красавец, в которого влюбились все трое, но завладела им Варя? И Ванда с Катенькой остались подругами, сплоченными общим горем? Или...

— Ну, наконец-то ты в одиночестве! Я уж измаялся, ждавши...

Еще один знакомый голос, моментально оборвавший дедуктивный ход мыслей. Ахиллес повернулся к сослуживцу с некоторым неудовольствием, словно человек, оторванный от серьезного дела, но тут же постарался раздражение отогнать: не столь уж серьезное дело — пытаться дедуктивным методом доискаться, отчего вдруг поссорились три неразлучные прежде подруги-гимназистки.

Поручик Тимошин, с первого взгляда ясно, был вполне доволен жизнью. И, конечно, изрядно пьян, но догадаться об этом можно было лишь по запаху, стоя вплотную. Люди обладают самыми разнообразными талантами. Талант Тимошина заключался в том, что ему, чтобы шататься и молвить заплетающимся языком, требовалось, пожалуй что, не менее ведра, а до такой кондиции поручик никогда не доходил. И этот его талант не столь бесполезен, как может показаться, — наоборот, порой приносит нешуточную выгоду при общении с вышестоящими командирами, полагающими поручика трезвехоньким. Главное, чтобы начальство ничего компрометирующего не унюхало. Если этого не происходит, Тимошин вне подозрений: стоит строго вертикаль-

но, речь связная и толковая. А ведь не один младший офицер имел неприятности, будучи застигнут пьяным в неподходящее время...

Оперевшись спиной о высокие перила, Тимошин сунул в рот папиросу, чиркнул спичкой. Все его движения были прямо-таки отточенными, совершенно трезвыми. Многие в полку его таланту завидовали, особенно штабс-капитан Блинов, коего уж угораздило, так угораздило, когда он, перебравши, проводил занятия со своей ротой и был застигнут командиром полка, которого в тот день на занятиях никак не ожидали...

— Любопытно мне знать, Жорж, — сказал Ахиллес с неподдельным интересом, — каково количество нынче принятого? Ведь не спросишь — ни за что сам не догадаешься...

— Пустяки, Ахилл, — махнул рукой Тимошин. — Две бутылочки хлебного вина¹, всего-то. И есть намерение на достигнутом не останавливаться, тем более что обстоятельства благоприятствуют... А ты, я вижу, трезвехонек?

— Ну, мы, в конце концов, пехота армейская, а не уланы, — сказал Ахиллес. — Это у них полагается с утра начинать, а кто у нас с утра не пьян, тот, извините, не улан...

— И книжка под мышкой, ага... Удручаешь ты меня, Ахилл, пока что не пораженный в пятку. Разрушаешь образ бравого русского офицера — пьешь мало, с книжками ходишь. Деды наши тебя бы не поняли решительно. А впрочем... Ты знаешь, оно даже и на пользу. Был я давеча в городском собрании, и сидел там в своей всегдашней компании интеллигент этот, инженер Глумов... ведь подобрал Боженька фамилию по его поганой сути! И разглагольствовал среди своих, как всегда: мол, офицеры наши — бестолочь неотесанная, книгу в руки не

¹ Старинное название водки.

